

Смерть и бессмертие человека в рассказе А. Чехова «Архиерей»

*Косенко Е., методист Центра гражданского воспитания КВУЗ «Харьковская академия непрерывного образования»,
Щербина И., заведующая учебно-методическим кабинетом ОКУ «Харьковское училище культуры», канд.искусствоведения.*

Аннотация. Статья раскрывает содержание понятий «жизнь» и «смерть» с позиции чеховских героев. В качестве исследовательской задачи была поставлена задача рассмотреть лингвистическую реализацию художественных концептов-оппозиций «Жизнь – Смерть». Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке литературоведения и философии.

«Архиерей» (1902 г.) подобен произведениям конца 80-х годов – прежде всего повести «Скучная история» (1889 г.). Внешне фигура архиерея весьма далеко стоит от фигуры «заслуженного профессора» – героя повести. Они представляют разные социальные, культурные группы. В то же время рассказ и повесть родственны. Не в каком-нибудь аспекте, а по самой сути драматического замысла: и там и тут ядро сюжета составляет история человека, который в предчувствии близкой смерти производит переоценку ценностей, чтобы убедиться, что в его жизни не было «чего-то самого важного». Однако в рассказе и повести уклон изображения (герой и его будни), и форма повествования (хроника, движущаяся по бытовым вехам повседневности) различны. В известном смысле в «Архиерее» варьируется – но отнюдь не дублируется – замысел и сюжетный ход «Скучной истории» [1,304].

Для Чехова-художника воссоздаваемая действительность в принципе исторически едина. И его герои в большинстве своем не наследуют один другому, а соседствуют – один рядом с другим. Различия связаны с личностным отношением к жизни и смерти и проявляются в эмоционально-оценочном слое: в оценках Чехова доминирует философское начало, выражающее мироощущение писателя. Человек часть бытия, и универсальные закономерности последнего пронизывают его индивидуальное бытие. Эволюционное возникновение живого из неживого, смена и взаимообусловленные трансформации разных форм жизни, переход от живого к неживому – подобные процессы безусловно относятся к универсальным природным закономерностям. Жизнь обладает удивительным свойством: индивидуальная жизнь невозможна вне универсального потока жизни, вне того, что В.И. Вернадский называл «живым веществом планеты» [6,333].

В учении А. Швейцера центральным понятием является благоговение перед жизнью. Человек достигает подобного душевного состояния в результате

непростого пути самосовершенствования. Иной подход в концепции Э. Уилсона: биофилия предстает уже как влечение – врожденная любовь к жизни. Он связывает биофилию с взаимным альтруизмом и групповым отбором. Причины того, что биофилия зачастую оттесняется на второй план жесткими правилами и нравами реальной жизни, связаны с дефектами цивилизации и культуры [6,329].

Человек рождается, живет и умирает. Это знают все. Однако важно добавить, что многие люди умирают, так и не успев родиться. Ведь рождение человека не сводится к чисто биологическому процессу появления на свет из материнского чрева. Подлинное рождение человека происходит лишь тогда, когда он начинает постигать высокие смыслы, заложенные в нем самом и окружающем мире; пробуждает в себе способность творить по законам мудрости, добра и красоты; устремляется ко все более высоким вершинам самосовершенствования [2,377].

Важнейшие показатели заложены в понятии качество жизни: это и продолжительность жизни человека (ожидаемая при рождении и фактическая), и состояние его физического и психического здоровья, и отклонения окружающей среды от желательных параметров, и уровень образования, и качество пищи и т.п.

Концепт – это особая структура ментальной деятельности, являющаяся единицей как коллективного, так и индивидуального (индивидуально-авторского) знания, отмеченная лингвокультурной спецификой и имеющая лингвистическое выражение. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он обладает понятийным, оценочным, экспрессивным и эмоциональным компонентами. Концепт как сложное ментальное образование имеет определенную структуру [7,415].

В настоящее время можно выделить четыре основных подхода в лингвистическом понимании структуры концепта: историко-культурологический, культурологический, полевой и когнитивный.

Ю.С. Степанов рассматривает структуру концепта с точки зрения историко-культурологического подхода, выделяя 3 уровня: буквальный смысл или внутренняя форма; пассивный, исторический слой концепта; новейший, наиболее актуальный, активный слой [4,53].

Неизбежными спутниками самой жизни являются старение и смерть. И подобно тому, как жизнь существует на биосферном и космическом уровнях, на них существует и смерть.

В описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, которые имеют универсальный характер: жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, хорошее – дурное, близкое – далекое, прошлое – будущее, здесь – там.

«Жизнь» и «смерть» не имеют общего корня, тем не менее, семантика однокоренных слов английского и русского языков имеет точки совпадения: «тело», «часть тела», «душа», «разум», «слово», «свет», «соединение», «страдание».

Смерть

- > прекращение (жизни);
- > гибель;
- > распад.

Жизнь

- > существование;
- > бытие;
- > состояние;
- > время/период (от рождения до смерти);
- > действительность;
- > деятельность;
- > движение.

В общей системе концептов-оппозиций модель двоичных оппозиций также является основополагающей для раскрытия концепта-оппозиции «Жизнь – Смерть».

По словам Е.В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко является их неизолированность, связность с другими такими же, то есть всякий концепт погружён в домены, которые образуют структуру» [3,3].

Смерть индивидуальных организмов неизбежна для естественного отбора и прогрессивной эволюции. Поэтому смерть (не связанная с болезнями или несчастными случаями) столь же естественна, как и жизнь.

Понятием смерть, противостоящим понятию жизнь, лучше обозначать прекращение существования индивида (особи) или совместного существования их совокупности. Говоря же о прекращении существования популяции или вида, как правило, называют это вымиранием.

Что касается смерти человека, то принято в ней различать два основных этапа – клиническую смерть и следующую за ней биологическую. Именно последнюю можно считать истинной смертью, при которой необратимо прекращаются физиологические процессы во всех основных органах и тканях. А при «клинической смерти» функционирование совокупной целостности основных жизнеобеспечивающих систем продолжается, и было бы правильной подобное состояние называть «клинической жизнью» [6,348].

Невозможно постичь суть и смысл жизни, не постигнув суть и смысл смерти. Обостренное переживание жизни порождено предчувствием и знанием своей смертности. Духовно зрелому человеку дано знать о своей временной конечности, осознанно или бессознательно соизмеряя с ней всё своё смыслозадающее поведение.

Вот почему можно согласиться с утверждением, что «в диалектическом развитии философской антропологии положение о смерти есть первое».

Своеобразное отношение к смерти было у Фейербаха. Так как человек природное существо, он ничего не может поделать с этим неизбежным естественным процессом. Поэтому естественная смерть не есть зло. Более того, «смерть есть самый решительный коммунист: миллионера она приравнивает к нищему, императора к пролетарию». Бессмертие возможно не для человека, но лишь для рода. Эгоизм же человека, жаждущего неограниченного существования, может быть заменен альтруизмом нравственного бессмертия [5,393].

Хорошо написанный рассказ порою стоит толстого романа. Смерть и бессмертие – тема «Архиерея» (1902), одного из последних рассказов Чехова. Художник подошел к ней, по обыкновению, на примере конкретной судьбы

конкретного человека, на этот раз незаурядного. Герой рассказа, преосвященный Петр, жил полнокровной творческой жизнью, был личностью. Человек обретает смысл своего существования не путем глубинного самокопания, а подключаясь к ценностно-смысловому полю всей культуры. Только так он способен осознать себя в едином социально-историческом процессе, свою сопричастность мировым событиям, найти свой путь творческой самореализации

Фабула по-чеховски проста: герой заболел и умер; после его смерти о нем забыли все, кроме матери, а жизнь вокруг, прекрасная, весенняя (начало Пасхи), продолжалась. Конец земного существования смертного человека противопоставлен бесконечному течению жизни. И, как эхо, этому отвечает в рассказе целая сеть частных противостояний: высокому сану героя – простота его души; тщательно расписанным деталям богослужения и обязанностей архиерея – начало его болезни и признаки ее развития; молитвам героя перед сном – его воспоминания о детстве, о чуткости матери, которая теперь почему-то перестала его понимать; неприятию суетности окружающих людей – нежелание расстаться с жизнью, а значит, и с ними; печали при ощущении близости смерти – слезы радости, поэтому же поводу, и надежда, что «в той жизни» придется вспоминать о земных годах с хорошим чувством. Лирические интонации в изложении мыслей архиерея перемежаются с грубой речью то отца Сисоя, то купца Еракина или с робкими фразами матери героя (что также производит эффект контраста, но мягкого, ненавязчивого) [8,39].

Но есть в рассказе одно сопоставление, связующее все эти несхожести воедино, – переключка событий настоящего времени, т.е. последней недели жизни героя (с Вербного Воскресенья до субботы, когда он скончался, значит, накануне Пасхи), с событиями последней (Страстной Недели жизни Христа и последующим его воскресением). Это придает одиночеству архиерея и его физическим страданиям особую остроту, подчеркивающую значительность его личности, достойной высокой аналогии. Здесь финал вбирает в себя сложность авторской трактовки всего происшедшего. Приятие архиереем своей судьбы и сообщение повествователя о радостном празднике после его смерти, смягчают нашу грусть по забытому герою. Это последнее звено в цепи противостояний в тексте – незримый источник гармонии одного из самых совершенных созданий Чехова [7,420].

В рассказе, как и в других произведениях Чехова конца 1890-х – начала 1900-х годов, образный ряд развернут в пространстве, и во времени. Что и понятно: переходя от одной сферы жизни к другой, от одного социального круга к другому, варьируя характерные мотивы и образы, Чехов утверждает «свою линию» – множит доказательства своей «общей идеи». Поэтому и смыкается у него начало и конец ряда: «Жизнь» и «Смерть».

«Архиерей» – это рассказ не о бренности и никчемности земного существования, а о том, что даже смерть не способна уничтожить человека. Все, чем жил архиерей, осталось после него. Это как раз соответствует идее, высказанной А.П. Чеховым еще в «Студенте»: «правда и красота» определяли и будут определять жизнь на земле.

Литература

1. Ведь есть же другая жизнь: о произведениях А.П. Чехова «Случай из практики», «Учитель словесности», «Дама с собачкой», «Невеста», «Скучная история», «Архиерей» // Русские писатели – классики: анализ произведений школьной программы / сост. Н.С. Олейникова. – Мн., 2002. – С. 303-307.
2. Кулешов В.И. Антон Павлович Чехов. Рассказы 90-х годов / В.И. Кулешов // История русской литературы XIX века 70-90-е годы. – М., 1983. – С. 376-377.
3. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Рахилина Е.В. // Русские словари. – 2000. – С.3
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42-67.
5. Фейербах Л. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т.1. – С. 393.
6. Швейцер А. Благоговение перед жизнью как основа этического миро- и жизнеутверждения // Глобал. проблемы и общечеловеческие ценности. — М.: Прогресс, 1990. — С. 328 – 350.
7. Шер Н.С. Антон Павлович Чехов 1860 - 1904 /Н.С.Шер // Рассказы о русских писателях. – М., 1982. – С. 415-424.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. – М., 1974.